

Чем окно в Европу рубили

Неизвестные стороны торговой и военно-морской политики Петра I

Когда говорят, что Пётр Первый «прорубил окно в Европу», всегда имеют в виду интересы России. Так, мол, попало к нам и образование, и новые технологии, и особые традиции. Взглянув на «окно» с другой стороны, понимаешь, что острая необходимость в нем была и у Европы.

Чтобы Запад не остался без перчаток

Государство Российское, как известно, образовалось как держава торговая, и посредником было, и поставщиком важных товаров, что ценились одинаково высоко и на Западе, и на Востоке.

Перечисляя номенклатуру средневековой торговли, в первых строках называют, конечно, пушнину, мех, забывая, что список отечественного экспорта ими не ограничивался. Основные объемы давал воск, который христианские страны потребляли в огромных количествах, а большую часть свечей лили тогда из русского воска.

Вторым по значению была юфть — кожа очень тонкой выработки. Ее так и называли — «русская кожа», и вывозили сотнями тонн. Например, в XV веке из нее были сделаны почти все перчатки в далекой Испании.

Самым раскрученным символом русской торговли стал «путь из варяг в греки», а были ведь и Волжский путь в арабские страны, постоянный маршрут из Киева в Восточную Баварию, контакты с Генуей и Венецией... Так что

«окна в Европу» у нас были всегда, и когда закрывались одни, обязательно открывались другие.

Прадедушка «железного занавеса»

Ситуация начала радикально меняться в конце XV века.

Южные торговые маршруты разрушились вместе со стабильностью, которую давала Золотая Орда. На западе возникло напряжение в отношениях с Великим княжеством Литовским, а на севере усилилось соперничество со Швецией. Опустил же «железный занавес» между Россией и Европой Столбовский мирный договор, подписанный со шведами после Смуты. И проблема была даже не столько в утрате многих земель, сколько в том, что Балтика стала «эксклюзивным озером» Швеции, и отныне все торговые сношения водным балтийским путем Россия могла вести лишь через подданных шведской короны.

Прямая торговля с Англией, Голландией, Данией осталась в прошлом. Все российские товары вывозились сначала в Ригу, Таллин и Нарву, там продавались местным купцам, которые и перепродавали их в Западную Европу. Из-за этих «субподрядчиков» Россия теряла солидную часть дохода от продажи ресурсов, а импорт, в том числе скандинавский металл (ни железных, ни медных рудников у нас тогда еще не было), получала со значительной наценкой. Но все же была одна нить, которая не давала Европе разо-

Пеньковые канаты практически не изнашиваются от контакта с морской солью.

Русское посольство к императору Священной Римской империи Максимилиану II в Регенсбурге. В руках послов дары — собольи шкурки, связанные «сороками» (по 40 штук). Собольиные меха из Московии составляли основу бюджета Московского Великого княжества. Гравюра 1576 года.

рвать торговые связи России. Точнее, это была веревка. Из конопля.

Конопля на госслужбе

В XVI веке в Европе наступила эпоха колониализма. Англия стала строить знаменитый флот, что было вряд ли возможно без такелаж и парусов. А главным материалом для канатов была пенька.

Невзрачное волокно до сих пор делается из конопля, только вот британские почвы это растение, прямо скажем, не любит, что и свергло англичан в зависимость от импорта травы, более известной сейчас своими психотропными качествами. Все бы ничего, не окажись основными поставщиками продукции из лубоволокнистого растения французы и русские.

Уходящие вглубь веков противоречия с Францией не оставили английским монархам выбора. Да и канаты из нашей пеньки служили почти в два раза дольше.

Россию это настолько устраивало, что Иван Грозный отменил для англичан торговые пошлины. В итоге мы обрели отличные рынки сбыта и стали получать из Европы разную высокотехнологичную продукцию: доспехи, мануфактуру, замки для мушкетов и прочее. Кроме того, обменивали у Англии и Голландии пеньку (и лён) на пока диковинное нам золото и серебро. Только если мы без драгметаллов вполне бы себе обошлись, то колонизаторы без русской конопля вряд ли: нет пеньки — нет флота — нет империи.

Пытаясь избежать шведских поборов на Балтике, весь XVII век Россия торговала с Западной Европой через Белое море, но как же долго и дорого обходилась достав-

Встреча русских «промышленных людей» с голландскими купцами на берегу Ледовитого океана. Гравюра 1595 года.

ка в Архангельск товаров из центральной России, как ограничен своей сезонностью был будущий Севморпуть... Возможный полный поток тек тонкой струйкой, и изолированная от мировых рынков Россия несла большие убытки.

Впрочем, в накладе оставались не только мы. Такая торговля ограничивала Англию и Голландию, и Пётр сумел этим отлично воспользоваться во время Северной войны.

Шведское торговое иго

Монопольный центр силы на севере Европы англичанам с голландцами, понятное дело, был не нужен. Ни доминирования Швеции, ни усиления России они допустить не могли и поддерживали то одних, то других.

Пока торговый путь через Архангельск действовал, их все устраивало. Но не Петра, который под лозунгом «Долой шведское торговое иго!» разыграл гениальную партию. Сейчас его решение

торговать через Балтику, основав для того целый город, кажется абсолютно логичным. Но тогда перенос столицы на территорию вражеского государства (до заключения мира со Швецией в 1721 году эта земля считалась оккупированной) и строительство торгового центра, отрезанного от мировых рынков, выглядело чистым безумием.

Формально выход к Балтийскому морю Россия обрела с момента основания Санкт-Петербурга, в 1703 году. Но никак не практически. Это «окно в Европу» было скорее декоративным и/или зарешеченным. Новый перспективный порт жестко блокировался мощным флотом Швеции, дежурившим сразу за островом Котлин, где Пётр учредил крепость Кронштадт. Эта шведская стража допустила к нам с 1703 по 1712 год лишь четыре купеческих корабля. Даже ратные успехи на суше в 1710 году, когда мы приросли Прибалтикой, не открыли «окно». Чтобы его прорубить, нужны были победы

на море, а именно — контроль над фарватерами, которые проходили мимо принадлежащих Швеции так называемых внешних островов Финского залива.

Петр I идет ва-банк

Самым главным, стратегическим островом залива был Гогланд, и именно около него произошло одно из первых сражений набравшего к 1713 году силу русского флота. Заприметив три шведских линейных корабля, наша эскадра рванула в атаку, и точно открыла бы счет русских морских побед, не будь там печально известных каменных глыб, которыми так богата гогландская акватория и на которые наскочили сразу два наших корабля. Тем не менее Россия укрепилась на фарватерах внешних островов, позже — «вошла» в порт Ревеля (он же Таллин), оттеснив шведов к Гельсингфорсу (он же Хельсинки).

Вот тут Пётр и пошел ва-банк, разыграв «конопляную карту». Он просто запретил возить в Архангельск важнейшие экспортные товары (пеньку и юфть), недвусмысленно пригласив иностранцев за жизненно необходимым им товаром в Санкт-Петербург. В итоге в 1713 году в Северную Пальмиру пришло семь английских и голландских судов, в 1714-м —

В XVIII веке на Стрелке Васильевского острова в Петербурге разместился морской порт, а рядом с ним был построен Гостиный двор — по сути, большой оптовый рынок.

шестнадцать, а в 1715 году уже пятьдесят три.

Естественно, шведы жестко ответили: открыли охоту на все идущие к нам из Европы суда. За год каперы захватили 130 кораблей, тем самым вступив в открытый конфликт с Англией и Голландией. И нетрудно представить довольство Петра, наблюдавшего, как к берегам Невы идут не просто торговцы, а целые охраняемые конвои.

Дальше началась длительная торговая игра. Пётр иезуитски применял госрегулирование, каждый год меняя квоту на поставку основных товаров в Архангельск и Петербург в зависимости от военной обстановки на Балтике. Так нам удавалось и торговлю не прекращать, и постоянно стравливать на подступах к Финскому заливу голландцев и британцев со шведами. Английское правительство пыталось уйти от конфликта со Швецией, оказывало ей поддер-

жку, рвало с Россией дипломатические отношения, но конопля не отпускала. Пока британский флот в союзе со шведским сражался против русского, английские купцы продолжали смиренно идти за ней в Санкт-Петербург.

Все это время наш флот набирал мощь, одерживая победу за победой, пока в 1721 году не был подписан Ништадтский мирный договор со Швецией. Россия приросла и отторгнутыми у нее в Смутное время землями, и Прибалтикой, и «на стороне Оста от Ревеля в фарватере к Выборгу на стороне Зюйда и Оста лежащими островами», а уже через год состоялся триумф военно-морской политики Петра I и триумф Петербурга как центра международной торговли: в 1723 году в его порт пришло 383 иностранных купеческих корабля. Очередное «Окно в Европу» было прорублено.

Михаил РОДИН

ЦАРСКИЙ ОСТРОВ

Задолго до завершения противоборства со шведами Пётр I часто совершал «водные прогулки» по Финскому заливу, присматриваясь к местам возможных баталий.

8 июня 1714 года, когда в ожидании датских союзников наш флот готовился к «морской Полтаве» — Гангуту, нога императора ступила и на остров Гогланд. Факт пребывания царя на его «самой высокой горе» (ныне сопка Попова) зафиксировал в походном журнале денщик Петра.

Три века спустя Гогланд был удостоен еще одного высокого визита. 15 июля 2013 года его посетил президент России Владимир Путин, который встретился здесь с участниками экспедиции «Гогланд» Русского географического общества.

Владимир Путин погружается в Финский залив на батискафе Sea Explorer 5, чтобы посмотреть на затонувший парусный фрегат «Олег».

ФОТО: ZUMAPRESS.COM/GLOBAL LOOK PRESS.

Король в жестяной короне

Шут Петра I получил во владение народ самоедов и безлюдный остров в придачу

«Генерал-демократ — все равно что еврей-оленовод», — шутил в свое время Александр Лебедь, военачальник, ставший политиком. А ведь история знает прецеденты. Руководил же Роман Абрамович Чукоткой. А в начале XVII века другой еврей стал королем самоедов по воле и придури Петра I, который не был особо толерантен и шепетил в вопросах межнациональной политики.

Графство из камня и песку

Из Европы Пётр I привез немало полезных вещей и безделушек. Среди прочих «сувениров» оказалась и выкрест из португальских евреев Ян Лакоста (или Д'Акоста). Он немало поскитался по странам, промышляя мелкими аферами, пока не прибил в Дрездене к одному выходцу из России. Тот свел его с Петром. Лакоста самодержцу приглянулся — умный, говорит на шести языках, в Библии разбирается, нескладный, но смешной. Царь забрал его в Петербург.

В новой российской столице Ян прижился, став одним из любимых шутов самодержца. Отличался от других тем, что веселил «кума» (как он называл Петра), используя логические приемчики, да еще и разговор мог поддержать. В 1717 году Лакоста, проиграв спор, принял православие.

За усердную шутовскую службу Пётр I сделал шута королем самоедов. Чем провинился перед императором северный народ оленоводов, неизвестно, но царь выписал ко двору несколько его представителей с оленями и вверил их Лакосте. По такому случаю Ян сделал себе жестяную корону. В ней, вечно сдвинутой на один бок, он с тех пор являлся ко двору.

Остров Соммерс

ФОТО: АРХИВ РФО.

В придачу шут получил еще и «обширные земли» — безлюдный остров в Финском заливе, отвоеванный у шведов в ходе Северной войны. Остров назвался Соммерс, камер-юнкер Берхольц описывал его так: «Соммерс есть то самое графство, которое Лакоста получил в подарок от императора. Оно состоит из камня и песку и не имеет вовсе жителей».

Шутка императора

Лакосте при дворе жилось хорошо и сытно. Сын его был пристроен в армию, дослужился до офицерских званий. Но в 1723 году другой любимец Петра I, светлейший князь Александр Меншиков, уверил царя, что шут опасен и короля самоедов сослал в башкирскую деревню. Хотя вина Лакосты, скорее всего, заключалась лишь в том, что в клановой борьбе он выбрал не ту сторону, то есть не сторону Меншикова. И тот решил устранить противника, имевшего слишком близкий доступ к самодержцу.

После смерти Петра I шут вернулся в Петербург. Его еще помни-

ли при дворе и он успел послужить и при Екатерине I, и при Петре II, и при Анне Иоанновне. Последняя его особенно ценила, снова возвысила и не обделяла.

Однако остров Соммерс Лакоста заполучить так и не смог. Когда, вернувшись в столицу из ссылки, он заговорил о правах на эти земли, оказалось, что Пётр I тоже был тот еще шутник: грамота, которая давала Лакосте права на остров, была заверена не печатью императора, а оттиском простой рублевой монеты.

Последний раз имя шута упоминается в 1735 году. Тогда под водительством Лакосты состоялось карнавальное действо — «аудиенция» самоедов у Анны Иоанновны. Шут разыгрывал роль важной особы и, выслушав приветствие самоедских выборных, сыпал серебром пригоршнями из мешка, чтобы для потехи государыни самоеды, бросившись собирать деньги, толкались и дрались между собой. Свою роль шут отыграл хорошо, а куда дальше делся, когда умер и где похоронен, история позабыла.

Елена ОЖЕГОВА

ИСПОЛЬЗОВАН ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ ВАЛЕРИЯ ЯКОБИ «ШУТЫ ПРИ ДВОРЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ» (1872).